

“АРАБСКИЙ ЦВЕТOK”: К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ДЕКОРАТИВНЫХ МОТИВОВ В МОСКОВСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ XIV–XV вв.

© 2018 г. А.Л. Баталов

Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

E-mail: batal-bei@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.02.2018 г.

История связей древнерусской художественной культуры с Востоком (“проблема восточных влияний”), отраженная в древнерусском декоративно-прикладном искусстве, книжной орнаментике и зодчестве второй половины XIV – первой половины XV в., особенно актуальна. Орнаментация резных поясов, украшавших фасады четырехстолпных храмов, построенных великим князем Василием Дмитриевичем и его братом Юрием Дмитриевичем, основана на раппортах, находящихся прямые аналогии не только в Малой Азии, но и в армянских и татарских постройках Крыма XIV – первой половины XV в. Оживленная торговля, которую вели на Черноморском побережье московские купцы (“гости-сурожане”), позволяет предполагать трансляцию мотивов через строительных мастеров, приглашавшихся купцами на Русь, подобно тому, как армянские купцы привозили мастеров из Крыма во Львов.

Ключевые слова: арабск, восточные влияния, резьба по камню, торговля, архитектура, Крым, Золотая Орда, Московская Русь.

DOI: 10.31857/S086960630001657-1

Данная статья возникла в ходе нашей совместной с Л.А. Беляевым подготовки разделов по архитектуре ранней Москвы для “Истории русского искусства” (один из них – Баталов, Беляев, в печати. С. 158–205). В заглавии использован термин, пришедший из дореволюционных работ А.А. Спицына, где им охарактеризован вид орнамента-арабески, широко распространенного в искусстве Средиземноморья и проникшего на Русь. Речь пойдет об историографии вопроса, наблюдениях над атрибуцией и хронологией раннемосковской каменной резьбы и, особенно, возможных связях со строительством в Крыму эпохи Золотой Орды.

Генезис орнаментальных белокаменных поясов в архитектуре Московского периода занимает историков зодчества с середины XX в. Обсуждались две основные версии: первая утверждала стилистическую и формальную преемственность декора первой трети XIV в. от владимиросуздальской орнаментальной резьбы (Воронин, 1962. С. 131, 132; Выголов, 1975. С. 300, 301; Гращенко, 1994. С. 49); вторая ее отрицала, предполагая связь с балканской (сербской) традицией (Брунов, 1928. С. 103, 104; Ильин, 1975. С. 223–

239; Вагнер, 1980. С. 72–76). Сторонники второй версии опирались на сходство мотивов и факт присутствия в 1404 г. в Москве монаха Лазаря Сербина, установившего часы при ц. Благовещения Богородицы на дворе великого князя (Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 232, 233). М.А. Ильин (1975. С. 230) отказался выводить московское зодчество XIV–XV вв. из домонгольской архитектуры, усомнившись в том, что “искусство следовало преемственности политической власти московских князей от князей Владимира–Суздаля”, и указал на готтицизирующие черты в раннемосковской резьбе, вернувшись к позиции Н.И. Брунова. Наиболее близкие аналогии он видел в резьбе фасадов сербских церквей в Студенице (1190 г.) и Дечанах (1327–1335 гг.), особенно в пальметтах церкви в Любостыни (Ильин, 1975. С. 230, 231).

Почти одновременно Л.А. Лелеков (1975. С. 55–80) предложил радикальный поворот в интерпретации резьбы, апеллируя в том числе к традиции изучения орнаментики, сложившейся в археологии в конце XIX–XX в. (см., кроме А.А. Спицына (1909. С. 75–81), например, Якобсон, 1971. С. 230–252; позже – Крамаровский,

2002 и др.). Он указал на тип раппорта в растительном орнаменте, основанный на соединении пальметт, образующих цепочку переплетающихся полукружий, выдвинув тезис о его стилистическом единообразии начиная с XI и по XIV в. Тезис подтверждала таблица раппортов с почти идентичным рисунком, бытовавших на пространстве Восточного Средиземноморья (Сирия, Грузия, Армения, Московия). Автор выделил два мотива, на которых основан раппорт: высокие, связанные петлей побеги или пучки стеблей с завернутыми внутрь концами, и крины. Широкие хронологические границы “арабски” позволяли рассматривать мотивы владими́ро-суздальской и раннемосковской резьбы в одном ряду и не оставляли сомнений в том, что, по крайней мере, одни из характерных мотивов орнаментальных поясов московских храмов XIV в. имеют прямые аналогии в архитектурной декорации Закавказья, Ближнего Востока и Малой Азии (Лелеков, 1975. С. 71).

Эту четко намеченную линию в 1990-х годов продолжил Л.А. Беляев, внесший значительный вклад в изучение связей культуры Московского государства, ислама и Средиземноморья в целом (Beliaev, Chernetsov, 1999. Р. 97–124; Чернецов, Беляев, 1999. С. 205–226; Беляев, 2010. С. 18–27; 2016. С. 18–33). Он и расширил, и уточнил границы, очерченные предшественниками, указав, что при исключительной широте распространения арабского цветка в мире орнаментов Средиземноморья, в центральной Анатолии выделяется зона сельджукского строительства – своего рода резервуар, где мотив закрепился и откуда распространил влияние на архитектуру вплоть до Египта и далее. В эти границы был включен и Крымский п-ов как регион, через который на Русь могли попадать мотивы, отраженные в раннемосковской резьбе (Беляев, 2014. С. 7, 8).

По мнению Беляева, в Московских землях восточные орнаментальные мотивы не вошли в старый, унаследованный от домонгольской Руси архитектурный контекст, но образовали новый, родственник исламской фасадной декорации. Их соединение в развернутые по горизонтали раппорты, как и само применение орнаментального пояса (многочастного фриза), делящего фасады на две пространственные зоны, стало уникальной особенностью именно московского зодчества времени Василия Дмитриевича. Его трудно объяснить как результат эволюционного развития владими́ро-суздаль-

ских аркатурно-колончатых поясов. Поэтому важно уточнить время появления в московской архитектурной орнаментике элементов арабски, оценить их новизну или, напротив, укорененность в храмостроительстве Древней Руси, конкретизировать механизмы трансляции.

Долгое время полагалось, что многочисленные резные белокаменные блоки, найденные при археологических работах в Московском Кремле, датируются первой третью XIV в. и относятся к строительству Ивана Калиты. Это позволяло выстраивать преемственную связь с постройками времени Василия Дмитриевича и в то же время судить о генезисе московской архитектурной традиции. Но сравнительные исследования орнаментальных поясов построек Василия Дмитриевича и Юрия Звенигородского, древних кладок Кремля и блоков, происходящих из лапидария Государственного историко-культурного музея-заповедника “Московский Кремль”, показали зыбкость таких представлений. Строительный материал разобранных сооружений сравнительно легко перемещали. Так, белокаменные блоки с пальметтами, кринами и пучками стеблей распределились между Благовещенским собором 1416 г. и церковью Рождества Богородицы на Сенях 1394 г. (Евдокимов, 2009. С. 128–145) (рис. 1; 2).

К эпохе Ивана Калиты можно с оговорками отнести единственный фрагмент – архивольт из фундамента ц. Иоанна Лествичника (Гращенко, 2010. С. 52. № 10). Он невелик, характер резьбы плохо читается, а сравнение осколка с частью архивольты и полуколонки из Благовещенского собора (твердая дата – 1416 г.) указывает на разницу в рисунке орнамента и характере резьбы, что может подразумевать и временные отличия: в 1505 г. при закладке “Ивана Великого” были сломаны две постройки Ивана Калиты – ц. Иоанна Лествичника 1328 г. и Архангельский собор 1333 г. Из них и могли взять *spolia* для фундамента будущего Ивана Великого. В то же время фрагмент из фундамента Ивана Великого 1505–1508 гг. близок к резным деталям, которые обнаружила при недавних раскопках Преображенского собора в Твери экспедиция Института Археологии РАН (Беляев и др., 2018).

Эти немногочисленные, но достоверные примеры конца XIII – начала XIV в. говорят о сохранении традиции владими́ро-суздальской резьбы. В итоге автор данной статьи и Л.А. Беляев совместно пришли к заключению, что представления о существовании орнаментальных поясов

1

2

Рис. 1. Блоки фасадного пояса Благовещенского собора 1416 г. 1 – блок со средником “пучка” стеблей (Государственный Исторический музей); 2 – блок с кринами и боковыми ветвями пучков стеблей (Музеи Московского Кремля). Фото Г.С. Евдокимова.

Fig. 1. The Annunciation Cathedral of 1416: blocks of the facade belt

Рис. 2. Блоки конца XIV в. с кринами и пучками стеблей в карнизе барабана Никольского собора в Можайске. Фото А.Л. Баталова.

Fig. 2. St. Nicholas Cathedral in Mozhaik: blocks of the end of the 14th of the 14th century with the cranes and bunches of vine in the cornice of the drum

в эпоху Ивана Калиты не подтверждены фактами, хотя порталы с орнаментальной резьбой архивольтов и вертикальных элементов у них, вероятно, были (В печати. С. 158–205).

Нет свидетельств и об орнаментальной резьбе храмов эпохи Дмитрия Донского. А.В. Гращенков отнес группы резных блоков (предположительно, из фундаментов ц. Спаса на Бору) к собору Чудова монастыря 1365 г. (2010. № 17; 18; 19–23). Гипотеза просто не содержит достоверных фактов: по мнению Гращенкова, именно этот храм разобрали в 1501 г., а материал от разборки хранили для использования до 1527 г. Но дело в том, что в 1501 г. разобрали храм Чудова монастыря не 1365 г., а 1430-х годов.

Отсутствуют орнаментальные пояса или характерные для них мотивы и у группы “бесстолпных храмов с пристенными опорами”, которые Б.Л. Альтшуллер (2013. С. 11–158) датировал второй половиной XIV в. При этом, ц. Николая Чудотворца в с. Каменское сохранилась на всю высоту стен; ц. Усекновения главы Иоанна Предтечи на Городище в Коломне – до уровня пят сводов; храмы в Старо-Голутвинском и Бобрёнове монастырях исследованы археологически.

Итак, достоверная история орнаментальной раннемосковской резьбы начинается со строительства ц. Рождества Богородицы на Сенях в 1394 г. Конечно, само наличие в резьбе кривых, пальметт и стеблей, соединенных петлей, еще не

означает иконографической, а тем более стилистической близости. Они есть в Георгиевском соборе Юрьева-Польского и в Рождественском соборе Суздаля, но прорисовка деталей принципиально различна в сравнении с раннемосковскими примерами. Так, над поясом из поребрика на фасаде южного притвора Рождественского собора в Суздале помещен резной фриз, составленный из чередующихся пальметт, чьи стебли образуют каплевидный картуш вокруг пальметты, а между этими своеобразными картушами помещены стебли, завершенные листьями и соединенные петлей. Они похожи на сходный мотив в поясах раннемосковских храмов, но и только: рисунок растительных элементов и, главное, композиционная логика раппорта совершенно иные.

Нельзя признать аналогичными раннемосковским и указанные И.М. Ильиным орнаменты в постройках Сербии. В Студенице и Дечанах декорация принципиально иная, общее лишь в том, что это растительный орнамент, основанный на изгибающемся стебле или ветви с пластинчатыми листьями на концах. Геометризованный раппорт Любостыни ближе, но это только схема, а композиция, рисунок и пластика радикально отличаются от московских примеров.

Опыт Л.А. Лелекова, поместившего московские образцы в восточный контекст, убедительнее. Но сам контекст слишком широк, он нуждался в соотнесении с историческими реалиями Московской Руси рубежа XIV–XV вв. и в определении конкретного исходного района. Центром притяжения торговли со всего Востока была Золотая Орда, наследница торговых связей, “которые издавна проходили от берегов Черного моря через черноморские и каспийские степи на север и восток” (Сыроечковский, 1935. С. 12). Местом, где соединялись и торговые пути, и художественные традиции Ближнего Востока, Азии и Закавказья, был Крым. Здесь Золотая Орда сосуществовала с колониями итальянских городов-республик. О русском торговом присутствии в Крыму, прежде всего, в Суроже и Кафе, написано много, как и о роли гостей-сурожан, высшей купеческой корпорации Московской Руси, занимавшейся торговлей с Востоком через Крым.

В полной мере восстановить картину архитектурной жизни на полуострове, к сожалению, невозможно, о ней приходится судить лишь по частично сохранившимся постройкам золото-

ордынского периода, в основном армянским и мусульманским; руинам и архитектурным деталям, изученным при археологических исследованиях. Часть произведений белокаменной резьбы, найденных или находящихся *in situ* на территории средневековой Кафы, проанализировала и систематизировала Е.А. Айбабина (2001). В крымских материалах встречаются многочисленные варианты кринов, одинаково исполненных и в христианских, и в мусульманских сооружениях. Один из типов представляет трилистник, в основании которого показаны стебельки, закрученные внутрь напоподобие волют (например, резная капитель второй половины XIV – первой половины XV в.) (рис. 3). Вариантам таких кринов с закрученными в основании стеблями (в экспликации к таблице, собранной Айбабиной, они названы пальметтами), мы видим аналогии на блоках из лапидария Музеев Московского Кремля, в том числе и достоверно отнесенных к Благовещенскому собору 1416 г.

Существуют и более сложные варианты кринов, они известны по верхнему ряду пояса Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря (рис. 4). В верхнем ряду крины имеют в основании закрученные геометризованные стебли, боковые лепестки, но вместо центрального копьеобразного “навершия” – два симметричных округлых лепестка. Аналогична структура распространенного варианта крина, встречающегося в декорации порталов армянских и мусульманских построек. Например, в обрамле-

Рис. 3. Капитель второй половины XIV – первой половины XV в. (ФКМ Л-175; Айбабина, 2001. С. 115).

Fig. 3. The capital of the second half of the 14th – the first half of the 15th c.

Рис. 4. Орнаментальный пояс на центральной апсиде Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря Твери.

Fig. 4. The trinity Cathedral of the Trinity-Sergiev Monastery of Tver: ornamental belt on the central apse

нии портала мечети хана Узбека (1314–1342 гг.) подобный крин (разные авторы называют его пальметтой) имеет более сложную модификацию – между верхними округлыми лепестками вставлен еще один, раздвоенный, проростающий двумя побегами, переплетающимися с другими элементами орнамента (рис. 5, 1). Вариант подобного крина составляет раппорт в обрамлении портала ц. Иоанна Предтечи в Кафе 1348 г. (Якобсон, 1956. С. 181, 183; Казарян, Лошкарева, 2017. С. 31–34) (рис. 5, 2). Такие же крины или пальметты мы видим на резных капителях западного портала церкви армянского монастыря Сурб Хач 1358 г. (Саргсян, Петросян, 2008. С. 12), только здесь вместо двух центральных лепестков вырезан один с намеченными резцом пластинами (рис. 5, 3).

В резных капителях мы встречаем и другой характерный элемент раннемосковской резьбы – стебли, перехваченные петлей, концы которых расходятся в разные стороны и закручиваются внутрь. Эта растительная форма обычно доминирует в раппорте; между ними помещают крины. Они есть на блоках пояса Благовещенского собора 1416 г. и др. (их ранее приписывали собору Спаса на Бору, но сейчас относят с определенной долей сомнений к ц. Рождества Богородицы на Сенях) и на блоках верхнего ряда пояса Троицкого собора, где накрывают крины своими ветвями. Таково же сочетание кринов и более высоких пучков стеблей на хорошо сохранившихся капителях монастыря Сурб Хач 1358 г. (см. выше); фрагментарно стесанных ка-

пителях портала от мечети хана Узбека (1314–1342); на михрабе мечети Шейх-Кой 1358 г. (Кирилко, 2016. С. 138, 148) (рис. 5, 4). Пучки стеблей в капителях колонн михраба полностью идентичны примененным в Троицком соборе, включая уникальную деталь – двойной лепесток между ветвями (аналогичный мотив есть и в резном поясе из собора Богоявленского монастыря за Торгом в Москве: Беляев, 1995. Табл. 43–45; 2016. Рис. 2d). В мечети Шейх-Кой на этом месте – лепесток с намеченными пластинами.

Об устойчивости подобных мотивов свидетельствует опубликованный Айбабиной обломок мраморной детали, происходящий из раскопок в Феодосии 1991 г. и датированный автором XVII в. Мы видим на ней фрагмент раппорта с кринами и пучками стеблей, перехваченные петлей, и с закрученными ветвями (Айбабина, 2001. С. 137. Рис. 56).

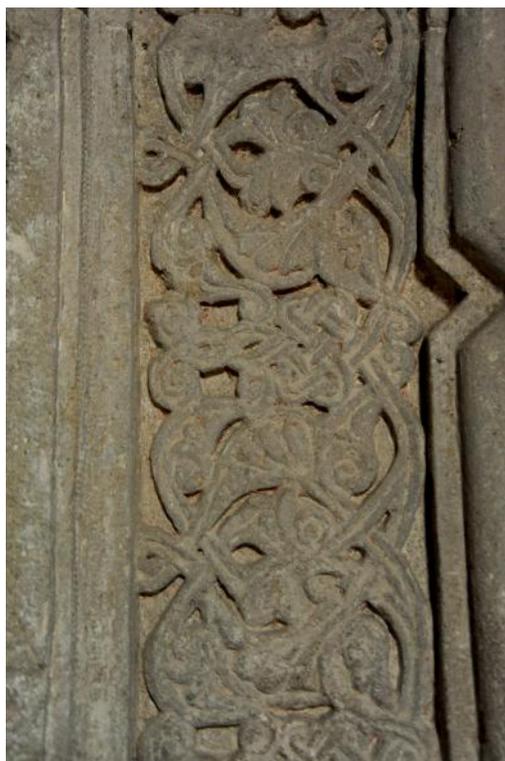
Сложившиеся представления о высоком уровне культуры Золотой Орды стимулировали новые исследования художественных связей искусства Москвы XIV–XV вв. с ее сюзереном. Это касалось, прежде всего, декоративно-прикладного искусства и книжной орнаментики. С влиянием золоордынской и малоазийской филигрании середины-второй половины XIV в. связывают появление спиральной филигрании окладов ряда рукописей московского круга, а также книжных заставок (Онежская псалтирь 1395 г.) конца XIV в. (Орлова, 2015. С. 167). Исследование памятников серебряного дела конца XIV – начала XV в. позволило увидеть точное копирование и даже доминирование восточного орнамента (Орлова, 1997. С. 154). Некоторые произведения (оклад иконы “Богородица Млекопитательница” из Оружейной палаты) имеют прямые аналогии в тюркестанских предметах, происходящих из Симферопольского клада. Как предположила М.А. Орлова (1997. С. 163), речь может идти об использовании привозных матриц для басменных окладов. Неоднократно обращалось внимание и на панагию из Кирилло-Белозерского монастыря как на принадлежащую кругу произведений, украшенных растительным орнаментом восточного происхождения (Музеи Московского Кремля, мр-1023/1–2, первая четверть XV в.). На внешнем кольцевом поле тыльной стороны помещен раппорт, подобный примененному в раннемосковских поясах и крымской белокаменной резьбе: чередование высоких пучков стеблей и более низких кринов с закрученными у осно-

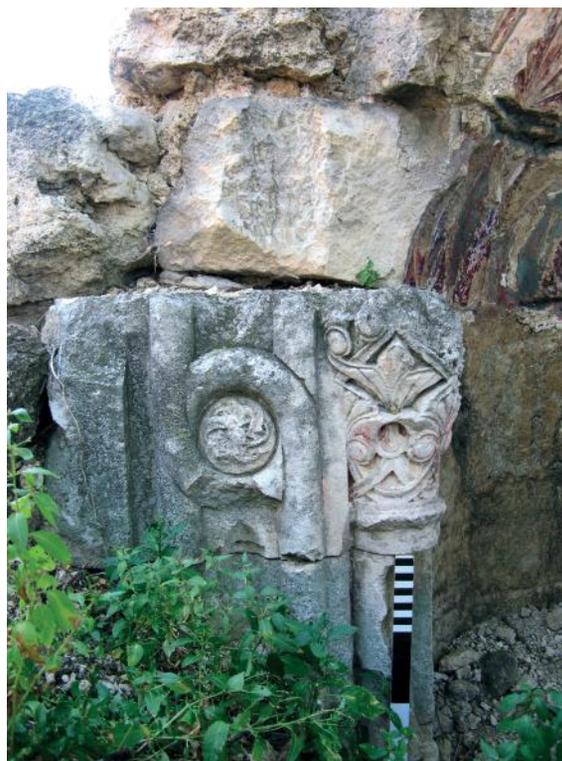
1

3

2

4

Рис. 5. Декорации порталов армянских и мусульманских построек. 1 – портал мечети хана Узбека 1314 г. Фрагмент раппорта с кринами; 2 – портал ц. Иоанна Предтечи в Кафе 1348 г. Фото А.Ю. Казаряна; 3 – западный портал церкви армянского монастыря Сурб Хач 1358 г. Капитель. Фото А.Ю. Казаряна; 4 – михраб мечети Шейх Кой 1358 г. Капитель. Фото В.П. Кирилко.

Fig. 5. Portals decorations of Armenian and Muslim buildings

Рис. 6. Панагия из Кирилло-Белозерского монастыря, первая четверть XV в. Обратная сторона (Музеи Московского Кремля).

Fig. 6. Panagia (the first quarter of the 15th c.) from the Kirillo-Belozersky Monastery, the reverse side (Museums of the Moscow Kremlin)

вания усиками (рис. 6). Этот мотив повторен и на панагии из Благовещенского собора (Музеи Московского Кремля, 616 соб, мр-1037, первая треть XV в.), где также занимает место в нижней половине обрамления средника.

Таким образом, в Московских землях восточные мотивы стали частью нового архитектурного контекста, нового художественного языка, сформировавшегося в конце XIV в.; частью тех изменений, которые охватили и другие виды искусства. Ранняя белокаменная резьба Московской Руси входит, таким образом, в состав связей с художественным миром Золотой Орды. Ее иконография и пластика предполагают участие резчиков, хорошо знакомых с техникой и стилистикой подобной резьбы.

Усиление восточного влияния в разных областях древнерусского искусства связывали иногда с “Великой замятней” в Золотой Орде и ее разгромом Тамерланом в 1395 г., вызвавших отток

мастеров на Русь (Орлова, 2015. С. 166). Наши наблюдения подкрепляют возможность такого подхода. Реставрационные исследования показали, что первый известный на сегодняшний день памятник с орнаментальными поясами, имеющими четкие аналоги в постройках центральной Анатолии и золотоордынского Крыма, — ц. Рождества Богородицы на Рву, летописная дата которой — 1394 г. (Типографская летопись, 1921. С. 160). К тому времени беклярибек Мамай был уже убит, а хан Тохтамыш, восстанавливавший единство и величие Золотой Орды и упорядочивавший ее внутреннюю жизнь, не был еще разгромлен Тамерланом. Лишь после неудачной для Тохтамыша битвы при Тереке в апреле 1395 г. и последовавшего похода Тамерлана, уничтожившего главные центры Золотой Орды, голод и чума, длившаяся до 1405 г., опустошили страну, заставив многих искать спасение за ее пределами (Миргалеев, 2016. С. 702).

Но дело не только в этой вынужденной миграции. Были и другие возможности получения мастеров великим князем Василием Дмитриевичем и его братом Юрием. Вспомним предположение В.Е. Сыроечковского о происхождении колокольного мастера Бориса, прозванного по Никоновской летописи Римлянином, — в 1346 г. он отлил ансамбль колоколов (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 217). По его мнению, итальянский мастер прибыл в Москву “через, а может быть, и непосредственно из итальянских колоний Крыма” (Сыроечковский, 1935. С. 23). Появление крымских мастеров в Москве не менее вероятно и при Василии Дмитриевиче. Их вовлечение в строительство было возможно при посредничестве или прямом участии гостей-сурожан, игравших значительную роль в Москве XIV в. Напомним, что летопись объясняет взятие Дмитрием Донским десяти гостей сурожан в поход на Мамай “видения ради ..., яко сходници суть з земли на землю и знаеми всеми и в Ордах, и в Фрязах” (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1897. С. 54). Некоторые из сурожан, обосновавшихся в Москве при Василии Дмитриевиче, известны как храмоздатели: Григорий Ховра начал каменное строительство в Симонове монастыре, продолженное его сыном Владимиром Григорьевичем Ховриным (Акты..., 1964. № 479. С. 465). В 1472 г. В.Г. Ховрин с сыном Иваном Головой выступают “предстателями” при строительстве Успенского собора (Лето-

писный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1901. С. 153.). Допустимо думать, что их предшественники также выступали организаторами строительства на рубеже XIV–XV вв., используя связи “в Орде и в Фрязах”. О том, что строительные мастера из Крыма могли переезжать в отдаленные от полуострова регионы при посредничестве купцов, свидетельствует строительство армянского собора во Львове. Как известно, его выстроили на свои средства армянские купцы из Кафы, привезя с собой мастера для осуществления их заказа (Казарян, 2013. С. 116–126).

Устойчивые связи привилегированной части московского купечества с Крымом гипотетически позволяют видеть в них исполнителей поручений великого князя и его братьев, связанных с получением мастеров. Неожиданное оживление каменного храмостроительства на рубеже XIV–XV в. и появление разных вариантов восточной орнаментальной резьбы, имеющей в том числе параллели в Крыму, делают подобную постановку вопроса вполне обоснованной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Кафы XIV–XVIII вв. Симферополь: СОНАТ, 2001 (Материалы по археологии Крыма). 280 с.
- Альтшуллер Б.Л.* Памятники зодчества Московской Руси второй половины XIV – начала XV века: новые исследования: Дис. ... канд. архитектуры. М., 1978. Изд.: Из творческого наследия архитектора-реставратора Б.Л. Альтшуллера: статьи, воспоминания современников / Сост. О.Н. Постникова. М.: Новый хронограф, 2013. С. 11–158.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III / Отв. ред. Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин и др. М.: Изд-во АН СССР, 1964. 687 с.
- Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Зодчество Твери и Москвы второй половины XIII – первой половины XIV в. (1240–1350-е годы) // История русского искусства. Т. / Отв. ред. Э.С. Смирнова. В печати. С. 158–205.
- Беляев Л.А.* “Восточные влияния” или общеевропейский “ориентализм”? О методических подходах к характеристике исламских элементов в культуре средневековой Москвы // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические открытия / Ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 18–27.
- Беляев Л.А.* Орнаментальные фризы на фасадах раннемосковских храмов конца XIV – первой четверти XV века: генезис мотивов и композиции // Сергей Радонежский и русское искусство второй половины XIV – первой половины XV века в контексте византийской культуры: тез. докл. Междунар. научн. симпозиума. Москва, 10–12 ноября 2014. С. 7, 8.
- Беляев Л.А.* Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 18–33.
- Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н.* Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012–2014 гг. // РА. 2018. № 2. С. 148–161.
- Брунов Н.И.* К вопросу о раннемосковском зодчестве // Тр. Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. Т. 4. М., 1928. С. 93–105.
- Вагнер Г.К.* От символа к реальности: развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. М.: Искусство, 1980. 267 с.
- Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. II: XIII–XV столетия. М.: АН СССР, 1962. 566 с.
- Выголов В.П.* Русская архитектурная керамика конца XV – начала XVI века (о первых русских изразцах) // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. Т. 9 / Ред.-сост. тома Г.В. Попов. М.: Наука, 1975. С. 282–317.
- Граценков А.В.* Резные пояса белокаменных храмов Ивана Калиты в Московском Кремле // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Столица и провинция. Вып. 5 / Отв. ред. В.П. Выголов. М.: Наука, 1994. С. 37–52.
- Граценков А.В.* Архитектурные детали и фрагменты сооружений XIV – начала XX века. М.: Голден Би, 2010. 368 с.
- Евдокимов Г.С.* Еще раз о резных поясах в раннемосковском зодчестве // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники: Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: сб. статей / Отв. ред. С.А. Беляев, И.А. Воротникова. М.: Северный Паломник, 2009. С. 128–145.
- Ильин М.А.* Декоративные резные пояса раннемосковского каменного зодчества // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. Т. 9 / Ред.-сост. тома Г.В. Попов. М.: Наука, 1975. С. 223–239.
- Казарян А.Ю.* Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой. Минск, 2013. С. 116–126.
- Казарян А.Ю., Лошкарева Е.А.* Загадки церкви Иоанна Крестителя в Феодосии и задачи ее нового архитектурно-археологического исследования: Междунар. научн. конф. “Архитектура средневекового храма”. 25–29 сентября 2017 г.: Мат. конф. Севастополь, 2017. С. 31–34.
- Кирилко В.П.* Михраб мечети в Шейх-Кой // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 138–150.
- Крамаровский М.Г.* Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды: По материалам чингисидской торевики XIII–XV вв.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. 61 с.

- Лелеков Л.А.* Искусство древней Руси в его связях с Востоком (к постановке вопроса) // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. Т. 9 / Ред.-сост. тома Г.В. Попов. М.: Наука, 1975. С. 55–80.
- Миргалеев И.* Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV века // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 698–704.
- Орлова М.А.* О группе произведений древнерусского серебряного дела конца XIV – начала XV века (к проблеме генезиса стиля орнамента) // Древнерусское искусство: исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 148–169.
- Орлова М.А.* К изучению фронтисписов “Онежской псалтири” 1395 года (ГИМ, Муз. 4040) // Образ христианского храма: Сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А.Л. Баталова / Сост. Л.А. Беляев, Вл.В. Седов. М.: Арткитчен, 2015. С. 150–170.
- ПСРЛ. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. А.Ф. Бычкова. СПб.: Тип. министерства внутренних дел, 1885. 244 с. (репринт: М.: Языки славянской культуры, 2000. 248 с.).
- ПСРЛ. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. 254 с. (репринт: М., 2000. 264 с.).
- ПСРЛ. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 266 с. (репринт: М., 2000. 272 с.).
- ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. Пг., 1921 (репринт: М.: Языки русской культуры, 2000). 272 с.
- ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. Изд. 1-е. М.; Л., 1949 (репринт: М., 2004). 464 с.
- Саргсян Т.Э., Петросян М.В.* Крым. Монастырь Сурб Хач. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2008. 302 с.
- Спицын А.А.* Бухарский клад и Мономахова шапка (с 4 табл.) // ИИАК. 1909. Т. 29. С. 73–81.
- Сыроечковский В.Е.* Гости-сурожане. М.; Л.: ОГИЗ, 1935 (Изв. ГАИМК; Вып. 127). 123 с.
- Чернецов А.В., Беляев Л.А.* Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: материалы конф. Москва, 19–21 ноября 1997 г. / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Изд-во РГГУ, 1999. С. 205–226.
- Якобсон А.Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму // Византийский временник. 1956. Т. 8 (33). С. 166–191.
- Якобсон А.Л.* Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в. // Древности Московского Кремля / Отв. ред. Н.Н. Воронин, М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1971 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 167; Материалы и исследования по археологии Москвы; Т. IV). С. 230–252.
- Beliaev, Leonid A. and Alexei Chernetsov.* The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture // *Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. V. XVI* / Ed.G. Necipoğlu. Leiden: Brill, 1999. P. 97–124.

“ARAB BLOSSOM”: ON THE GENESIS OF ORNAMENTAL MOTIFS IN MOSCOW ARCHITECTURE OF THE 14th – 15th CENTURIES

Andrey L. Batalov

State Institute of Art Studies, Moscow, Russia

E-mail: batal-bei@yandex.ru

The history of the ties between the Old Russian artistic culture and the East (“the issue of eastern influence”) reflected in the Old Russian applied and decorative art, book ornamentation and architecture of architecture of the second half of the 14th – the first half of the 15th century is particularly topical. The ornamentation of the carved belts that decorated the facades of the churches with four internal piers built by the Grand Duke Vasily Dmitrievich and his brother Yuri Dmitrievich was based on rapport orders showing direct analogies not only in Asia Minor but also in the Armenian and Tatar buildings in the Crimea of the 14th and the first half of the 15th century. The active trade conducted by the Moscow merchants (“guests of Surozh”) on the Black Sea coast allows assuming the translation of motifs through construction craftsmen who were invited by the merchants to Russia, just as Armenian merchants brought masters from the Crimea to Lviv.

Keywords: arabesque, eastern influence, stone carving, trade, architecture, Crimea, Golden Horde, Muscovy.

REFERENCES

- Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. [Acts of the social and economic history of North-Eastern Rus of the late 14th – early 15th century], vol. III. B.D. Grekov, L.V. Cherepnin, eds. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1964. 687 p.
- Al'tshuller B.L., 1978. Pamyatniki zodchestva Moskovskoy Rusi vtoroy poloviny XIV – nachala XV veka: novyye issledovaniya: dissertatsiya ... kandidata arkhitektury [Architectural landmarks of Muscovy of the second half of the 14th – early 15th century: recent studies: Doctoral Thesis in Architecture]. Moscow. 173, 43 p.
- Al'tshuller B.L., 2013. Architectural landmarks of Muscovy of the second half of the 14th – early 15th century: recent studies: Doctoral Thesis in Architecture. *Iz tvorcheskogo naslediya arkhitekatora-restavratora B.L. Al'tshullera: stat'i, vospominaniya sovremennikov [From the creative legacy of the architect-restorer B.L. Altshuller: articles, memoirs of contemporaries]*. O.N. Postnikova, comp. Moscow: Novyy khronograf, pp. 11–158.
- Aybabina E.A., 2001. Dekorativnaya kamennaya rez'ba Kaffy XIV–XVIII vv. [Decorative stone carving of Kaffa of the 14th – 18th centuries]. Simferopol': SONAT (Materialy po arkheologii Kryma). 280 p.
- Batalov A.L., Belyayev L.A. Architecture of Tver and Moscow in the second half of the 13th – first half of the 14th centuries (1240–1350s). *Istoriya russkogo iskusstva [A History of Russian Art]*, pp. 158–205. (In print.)
- Beliaev L.A., Chernetsov A., 1999. The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture. *Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*, XVI. G. Necipoğlu, ed. Leiden: Brill, pp. 97–124.
- Belyayev L.A., 2010. “Oriental influences” or pan-European “Orientalism”? On methodological approaches to the characterization of Islamic elements in the culture of medieval Moscow. *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: novyye arkheologicheskiye otkrytiya [Rus and the East in the 9th – 16th centuries: new archaeological discoveries]*. N.A. Markarov, V.Yu. Koval', eds. Moscow: Nauka, pp. 18–27.
- Belyayev L.A., 2014. Decorative friezes on the facades of the early Moscow temples of the late 14th – first quarter of the 15th century: the genesis of motifs and compositions. *Sergiy Radonezhskiy i russkoye iskusstvo vtoroy poloviny XIV – pervoy poloviny XV veka v kontekste vizantiyskoy kul'tury: tezisy dokladov nauchnogo simpoziuma [Sergius of Radonezh and Russian art of the second half of the 14th – first half of the 15th century in the context of the Byzantine culture: proceedings of the scientific symposium]*. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvovznaniya, pp. 7, 8.
- Belyayev L.A., 2016. The Islamic Orient and the development of the material culture of Muscovy: methodological approaches to the evaluation. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]*, 2 (16), pp. 18–33.
- Belyayev L.A., Safarova I.A., Khokhlov A.N., 2018. The Saviour-Transfiguration Cathedral in the Tver Kremlin: results of excavations in 2012–2014. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 2, pp. 148–161.
- Brunov N.I., 1928. On the early Moscow architecture. *Trudy Sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvovznaniya Rossiyskoy assotsiatsii nauchnykh institutov obshchestvennykh nauk [Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Institutes of Social Sciences]*, 4. Moscow, pp. 93–105.
- Chernetsov A.V., Belyayev L.A., 1999. Medieval Rus and the East: Some issues and perspectives. *Drevnerusskaya kul'tura v mirovom kontekste: arkheologiya i mezhdistsiplinarnyye issledovaniya: materialy konferentsii [Ancient Russian culture in the global context: archaeology and interdisciplinary studies: Conference proceedings] (1997)*. A.V. Chernetsov, ed. Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, pp. 205–226.
- Evdokimov G.S., 2009. The issue of the carved stone friezes in the early Moscow architecture revisited. *Moskovskiy Kreml' XIV stoletiya. Drevniye svyatyini i istoricheskiye pamyatniki: Pamyati Svyateyshego Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II: sbornik statey [The Moscow Kremlin of the 14th century. Ancient shrines and historical monuments: In Memory of His Holiness Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II: Collected papers]*. S.A. Belyayev, I.A. Vorotnikova, eds. Moscow: Severnyy Palomnik, pp. 128–145.
- Grashchenkov A.V., 1994. The carved friezes of the white-stone churches of Ivan Kalita in the Moscow Kremlin. *Pamyatniki russkoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva: Stolitsa i provintsiya [Russian architectural and monumental art landmarks: the capital city and province]*, 5. V.P. Vygolov, ed. Moscow: Nauka, pp. 37–52.
- Grashchenkov A.V., 2010. Arkhitekturnyye detali i fragmenty sooruzheniy XIV – nachala XX veka [Architectural details and fragments of buildings of the 14th – early 20th century]. Moscow: Golden Bi. 368 p.
- Il'in M.A., 1975. Carved decorative friezes of the early Moscow stone architecture. *Drevnerusskoye iskusstvo: Zarubezhnyye svyazi [Old Russian Art: Foreign ties]*. G.V. Popov, ed. Moscow: Nauka, pp. 223–239.
- Kazaryan A.Yu., 2013. Architecture of the Armenian Cathedral in Lviv. The origins of the composition and decor of the original temple. *Khudozhestvennaya kul'tura armyanskikh obshchin na zemlyakh Rechi Pospolitoj [The artistic culture of Armenian communities in the lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth]*. Minsk: Art Dizayn, pp. 116–126.
- Kazaryan A.Yu., Loshkareva E.A., 2017. The Mysteries of John the Baptist Church in Theodosia and the tasks of its new architectural and archaeological studies. *Arkheologiya srednevekovogo khrama: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Archaeology of Medieval Temple: Proceedings of the international scientific conference]*. Sevastopol', pp. 31–34.
- Kirilko V.P., 2016. The Mihrab of the Sheikh-Koy Mosque. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]*, 2 (16), pp. 138–150.
- Kramarovskiy M.G., 2002. Vostok i Zapad v istorii i kul'ture Zolotoy Ordy: Po materialam chingisidskoy torevtiki XIII–XV vv.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk

- [East and West in the history and culture of the Golden Horde: Based on the materials of Genghisid metal plastic art of the 13th – 15th centuries: Doctoral Thesis in History]. St. Petersburg. 61 p.
- Lelekov L.A., 1975. The Art of Ancient Rus in its relations with the Orient (an invitation to discussion). *Drevnerusskoye iskusstvo: Zarubezhnyye svyazi [Old Russian Art: Foreign ties]*. G.V. Popov, ed., comp. Moscow: Nauka, pp. 55–80.
- Mirgaleyev I., 2016. Attempts to revive the Golden Horde in the late 14th – early 15th century. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii [The Golden Horde in the world history]*. Kazan': Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan, pp. 698–704.
- Orlova M.A., 1997. On the group of pieces of the Old Russian silverwork of the late 14th – early 15th century (to the issue of the genesis of its decorative style). *Drevnerusskoye iskusstvo: issledovaniya i atributsii [Old Russian Art: studies and attributions]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 148–169.
- Orlova M.A., 2015. To the study of the Onega Psalter frontispieces of 1395 (State Historical Museum, Mus. 4040). *Obraz khristianskogo khrama: sbornik statey po drevnerusskomu iskusstvu k 60-letiyu A.L. Batalova [Image of the Christian temple: collected papers on Old Russian art to the 60th anniversary of A.L. Batalov]*. L.A. Belyayev, V.I. Sedov, eds. Moscow: Artkitchen, pp. 150–170.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 10. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle], 2. A.F. Bychkov, ed. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva vnutrennikh del, 1885. 244 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 10. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle]. Reprint edition. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2000. 248 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 11. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle], 3. S.F. Platonov, ed. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1897. 254 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 11. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle]. Reprint edition. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2000. 264 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 12. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle], 4. S.F. Platonov, S.A. Adrianov, eds. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1901. 266 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 12. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle]. Reprint edition. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2000. 272 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 24. Tipografskaya letopis' [Typographical chronicle]. Petrograd: 2-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1921. 272 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 24. Tipografskaya letopis' [Typographical chronicle]. Reprint edition. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 271 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 25. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka [Moscow chronicle collection of the late 15th century]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 464 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 25. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka [Moscow chronicle collection of the late 15th century]. Reprint edition. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2004. 463 p.
- Sargsyan T.E., Petrosyan M.V., 2008. Krym. Monastyr' Surb Khach [Crimea. Surb Khach Monastery]. Simferopol': Mediatsentr imeni I. Gasprinskogo. 302 p.
- Spitsyn A.A., 1909. The Bukhara hoard and Monomakh's Cap (with 4 tables). *Izvestiya Imperatorskoy arkhelogicheskoy komissii [News of the Imperial Archaeological Commission]*, 29, pp. 73–81.
- Syroechkovskiy V.E., 1935. Gosti-surozhane [Surozhan guests]. Moscow; Leningrad: OGIZ. 123 p. (Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury, 127.)
- Vagner G.K., 1980. Ot simvola k real'nosti: razvitiye plasticheskogo obraza v russkom iskusstve XIV–XV vekov [From symbol to reality: development of a plastic image in the Russian art of the 14th – 15th centuries]. Moscow: Iskustvo. 267 p.
- Voronin N.N., 1962. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov, II. XIII–XV stoletiya. Architecture of the North-Eastern Rus of the 12th – 15th centuries. Vol. 2: XIII–XV centuries. Moscow: AN SSSR. 566 p.
- Vygolov V.P., 1975. Russian architectural ceramics of the late 15th – early 16th century (the first Russian tiles). *Drevnerusskoye iskusstvo: Zarubezhnyye svyazi [Old Russian Art: foreign ties]*. G.V. Popov, ed., comp. Moscow: Nauka, pp. 282–317.
- Yakobson A.L., 1956. Armenian medieval architecture in the Crimea. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Chronicle]*, 8(33), pp. 166–191.
- Yakobson A.L., 1971. Artistic ties of Muscovy with the South Caucasus and the Middle East in the 16th century. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of the Moscow Kremlin]*. N.N. Voronin, M.G. Rabinovich, eds. Moscow: Nauka, pp. 230–252. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 167). (Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy, IV.)